

Полезные советы и инструкции КГБ или о том, как иногда все же полезно быть открытым человеком

(Отрывок из книги «Поезд отправляется»

www.literatur-viktor-prieb.de)

В пятницу – последний рабочий день перед их отпуском и перед выездом в Москву – Отец и Мать, работающие в одном и том же институте, пришли с тремя коллегами и друзьями домой на обед. Их жены и еще один друг извне со своей семьей подтянулись тоже. Эти пять семей составляли тесный и доверительный дружеский круг. Они праздновали всегда вместе и всегда собирались вместе для общих вылазок по выходным.

В институте знал, вероятно, каждый, что они едут в отпуск в Германию. Такого же не случалось каждый день среди них. Вклеенные в паспорт въездные визы со сказочными, никогда не виданными голограммами также как и денежные купюры немецких марок ФРГ рассматривались с восхищением со всех сторон и многое тому подобное. В действительные планы Отца не был посвящен по его воле, однако, никто вне этого круга близких друзей. И это было даже очень хорошо, поскольку, однажды, незадолго до их выезда, Отцу позвонил начальник 1-го отдела института и объявил:

– Вы должны сейчас же спуститься ко мне вниз! Человек из наших *органов* хотел бы охотно поговорить с Вами лично.

1-й отдел был ответственен в любом мало-мальски большом советском предприятии и в любом городе за государственные тайны. Он был непосредственно подчинен управлению КГБ, и в нем сидели, главным образом, отправленные на пенсию люди из КГБ.

– Буду сию минуту! – отрапортовал с готовностью помочь Отец и обеспокоенный этим звонком пошел вниз. Позвонивший ему старичок тут же, как только Отец вошел, покинул комнату, и Отец остался *виз-а-ви* с молодым, одетым в гражданское, очень симпатичным и милым мужчиной.

Мужчина постоянно улыбался Отцу, был само сердце и сама душа и буквально излучал необычайную доброту и простоту. Стоящему перед ним давалось нелегко удержаться от того, чтобы тут же не упасть этому рубахе-парню в объятия и не выплакать в жилетку на его груди все свои заботы и проблемы.

Отец все же удержался от этого, и парень был вынужден начать сам:

– Вы наверняка уже догадываетесь, почему я хотел бы с Вами поговорить?

– Ну да-а-а..., – имел на это в виду Отец.

– Правильно! – почти закричал восторженно преисполненный доверия молодой кэзбэшник. – Потому как я слыхал, что Вы едете в отпуск в Германию! Как это Вы удостоились такой чести?

– Ах, это длинная история...

– Ничего-ничего! Расскажите-ка! Выделите себе время! Я его себе тоже выделил.

– У моего отца его сестра с войны в Германии. Моя тетя, то есть. Но это Вы уже знаете из моих бумаг. Я эту тетю никогда не видел и теперь, после смерти отца и после того как, благодаря Перестройке, стало возможным ее посетить, написал ей и получил от нее это приглашение для всей моей семьи. Так это произошло, и так я удостоился этого.

– Что за трогательная история! Я нахожу это просто великолепно и рад за Вас и Вашу тетю! Смочь, наконец, увидеть никогда невиданную тетю! – парень был так

восторжен и сверхсчастлив, как-будто речь шла о его собственной встрече с его собственной никогда им невиданной матерью, а не о тете Отца. – Но все же я должен Вас проинструктировать о возможных неприятностях в Федеративной Республике Германия, которых следует избегать.

– Я понимаю, – подбодрил его Отец. – Кроме того, я же ничего не знаю про Федеративную Республику Германия и рад перед поездкой любой информации и любому совету.

– Что Вы, однако, должны знать: Федеративная Республика была и остается одной из противостоящих нам капиталистически-враждебных стран. А Вы работаете в институте, в котором многие научно-исследовательские темы представляют собой государственную тайну!

– Но Вы же знаете, что я лично к таким темам не имею никакого отношения. Мне запрещен вами любой доступ к таким темам и к касающимся их информациям! – ответил Отец открытым текстом, снова и снова ставя ударение на том, что он в курсе, кто и из какой конторы сидит перед ним.

– Этого и не требуется – в них прямо работать! Вы возвращаетесь в этом институте, общаетесь с Вашими коллегами, которые, между прочим, работают в этих темах, и, наверняка, уже что-нибудь от них слышали.

– Упаси Бог! Мне еще не надоело жить! Даже если бы один из этих коллег, которые, между прочим, тоже подписали у вас их обет молчания, прежде чем получить допуск – и это единственное, что я от них слышал – попытался мне сдуру и добровольно что-то рассказать, я бы бежал от него прочь, заткнув уши! В конечном итоге я у вас тоже подписал предусмотренные для моей группы допуска обязанности, держаться подальше от всех секретных документов и информации!

– Как бы там ни было, это был бы уже повод для коллег из вражеских разведывательных служб, чтобы спросить Вас об этом! – не сдавался милый, но неожиданно упрямый парнишка.

– Это они спокойно могут со мной делать! Я расскажу им то же самое, что я только что рассказал Вам: что я никакой не носитель секретов и общаюсь только с моими друзьями, которые тоже не являются носителями секретов, да и то только за питьем водки вне института! Кроме того, другие коллеги настроены из-за моей перестроечной активности довольно враждебно по отношению ко мне, как Вы, наверное, тоже уже слышали. Таким образом, я не владею, так сказать, никоим образом ни малейшими государственными секретами и сейчас очень даже рад этому. Иначе у меня были бы трудности с получением выездной визы, как я тоже слышал от носителей секретов.

На самом деле, однако, Отец сейчас не был этому рад. Кэгэбэшник указал ему только что на еще одну возможность *там* остаться.

– Если *они там* действительно так падки на местные секреты, как утверждает этот парень, – думал Отец, – то это был бы еще один шанс зацепиться там с порога!

Но Отец, действительно, не владел никакими секретами! Он сам, вообще-то, никогда и не верил, что эти игры в секреты могут еще кого-то серьезно интересовать. Он слишком хорошо знал, что за научная дребедень объявлялась его «допущенными» коллегами секретом. Именно потому, что это была дребедень и такое объявление делало ее важной и тяжело проверяемой. С помощью этого объявитель обеспечивал себе многолетнее беззаботное финансирование его проекта.

С другой стороны, те секреты, которые действительно представляли как ноу-хау интерес для той стороны, как, например, ракетное топливо, уже давно были проданы за «зеленые баксы» самыми высокопоставленными хранителями этих секретов.

– Кроме того, я еду в маленький, провинциальный городишко, где-то в совершенно отдаленном западном углу ФРГ, где, наверняка, вообще не располагаются никакие

разведывательные службы! – продолжал Отец демонстрировать свою полнейшую неосведомленность. – Там даже никто и не заметит моего приезда!

– О, тут Вы заблуждаетесь! – мгновенно отреагировал государственный охранник. – Сразу же по прибытии Вы должны будете зарегистрироваться в полиции, а она плотно и тесно работает с разведывательными службами! При регистрации Вам будут ставиться всяческие, на первый взгляд ничего не значащие, но, тем не менее, очень целенаправленные вопросы, и как раз в этом месте Вы должны быть чертовски внимательны, чтобы не сказать слишком много.

– Это уже хорошая новость, что кто-то там будет вообще мной интересоваться! – подумал Отец, но сказал другое:

– Я же говорю, что мне нечего выбалтывать. Тем не менее, я благодарен Вам за это предупреждение. Теперь я в курсе и смогу быть там гораздо осторожнее!

Потом, после еще нескольких милых фраз ни о чем, разговор был незаметно переведен на другую тему.

– Вы наверняка уже позаботились о подарках для вашей любимой тети и возьмете с собой какие-нибудь дорогостоящие вещи и сувениры! – не спросил, а утверждал, как нечто само собой разумеющееся, этот участливый трепач. – Каждый же так делает, чтобы там их продать и добыть немного дополнительной валюты. Все же знают, что это не такие большие деньги, которые Вы официально можете обменять и взять с собой. Представьте себе, чего бы только Вы там не могли себе купить: музыкальный комбайн, видеокамеру, видеофон и многое другое!

– Нет! У меня, к сожалению, нет дорогостоящих вещей, так же, как и денег. Я еле-еле умудрился наскрести необходимую для обмена сумму и сижу теперь полностью разоренный. Кроме того, я никогда не думал, что-то оттуда привезти и даже не знал, что там все это можно купить. Цель-то моей поездки – познакомиться с моей тетей, особенно теперь, когда она, после смерти моего Отца, осталась единственной связью с ним. Так что эта цель представляет для меня наивысший приоритет, и я бы не стал подвергать ее риску тем, чтобы провозить контрабандой какие-нибудь вещи и попасться при этом! – соображал Отец громко, правдиво и убедительно.

– Что за ерунда! Какому такому риску? – парень снова стал самой сердечностью и самой душевностью и становился все доверительнее. – Это никакой не риск! Вы же едете поездом?! Там внутри достаточно укромных мест для таких мелочей, как золотые украшения, маленькие картины или иконы, где их никто не найдет!

– Спасибо за Ваши советы, но у меня нечего прятать и, если бы даже было что, это все было бы для меня слишком уголовно. Это не мой стиль! – отреагировал Отец довольно сухо.

– Как Вам угодно! В конце концов это Ваша поездка и Ваша тетя! – сдался, наконец, в своей попытке склонить Отца к контрабанде и так охотно готовый помочь ему в этом советом парень. – Я желаю Вам много удовольствия в поездке и в отпуске! – закончил он, почти прощаясь, и, вдруг, спросил:

– Когда это Вы вернетесь назад?

– Первого сентября! – мгновенно отреагировал Отец на этот неожиданный и непосредственно касающийся его тайного плана вопрос.

Отец мог очень плохо и только при самой большой и принципиально обоснованной необходимости лгать. По его этике это означало: только тот лжет, кто делает что-то подлое и коварное и боится быть пойманным при этом. Будь это женщина – она блядь, которая больше всего нуждается в этом искусство, чтобы успешно обманывать своего мужа, Будь это мужик, то он либо алкоголик с разрушенной алкоголем личностью и поэтому с теми же проблемами, что и женщина-блядь, либо подлец и трус, у которого не хватает мужества отвечать за свои дела!

При обоснованной и вынужденной, как теперь, лжи Отец всегда смущался и был не таким убедительным, каким он обычно был всегда в своей открытости. Чтобы преодолеть это смущение, он рассказывал сейчас без перерыва и в деталях принадлежащую к этой лжи правду.

– Эта поездка, действительно, уникальная, а также очень дорогая, поэтому мы взяли свой очередной отпуск и к этому еще месяц отпуска без содержания, чтобы все это, по крайней мере, оправдалось. Поэтому так долго – до первого сентября.

– Ну и правильно! Значит мы тогда увидимся вновь осенью. Я отмечусь в сентябре, и Вы расскажете мне, как там все было.

– Очень охотно! – ответил облегченный Отец, а сам язвительно подумал, тряся руку кэзэбисту: «Тебе придется долго этого ждать – по крайней мере, я очень хочу на это надеяться!».

Этот разговор, который сам по себе напоминал пустую трепотню между двумя вдрызг пьяными в каком-нибудь пивняке, Отец тщательно проанализировал в тот же вечер еще раз.

Из веселых улыбок, идиотских шуток, странных советов и прочей бессмыслицы выкристаллизовывались теперь три четко направленных вопроса – как-будто парень выписал их себе перед этим на бумажке в список и хотел охотно выяснить – касающиеся его лояльности:

- относительно держания секретов,
- относительно контрабанды и таможни,
- относительно возвращения домой.

– Слава Богу! – думал Отец. – При первых двух вопросах я должно быть был так правдив и убедителен, что он третий – в моем случае самый важный – вопрос поставил только так, по обязанности, именно потому, что он стоял в его списке. Или как раз это продление нашего отпуска за счет отпуска без содержания убедило его больше всего еще до нашего разговора. Кто ж так делает, если он все равно не думает возвращаться назад! Играющий «Иванушку-Дурачка» из русских сказок кэзэбэшник был совсем не такой уж дурачок, за которого он себя охотно хотел выдать.

Теперь он предстал снова перед глазами Отца, но без улыбающейся маски – коварный профессионал от разведывательной службы с холодной расчетливостью и бульдожьей хваткой.

– Тем более я могу быть горд тем, что я со своей открытостью и наивностью, которые не нуждаются ни в какой маске. и с которыми он, вероятно, никогда в своей кэзэбистской жизни не имел дела, смог его убедить, что я рад нашей встрече с ним осенью! Уже кое-что. Никогда бы до этого не подумал так про себя! – радовался Отец, понимая все же, что этот разговор произошел неожиданно для него, что он должен был импровизировать и что ситуация была довольно-таки близко на грани провала. Наверное, как у его Отца в мае 1945-го, когда он со своей легендой шел на восток.

*